

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПАТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М.А. КОНИНА*,
ГБУЗ «НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия,
muza-@list.ru

Промискуитет и полная потеря интереса к физиологическому сексу рассмотрены как феномены современной сексуальной культуры, формирующейся в условиях интенсивного развития информационных технологий. Представлены результаты эмпирического исследования связи личностных дисфункциональных установок с проявлениями неограниченного сексуального поведения. Выборка: 50 мужчин, зарегистрированных на сайте знакомств. Методики: опросник оценки социально-сексуальных стратегий (SOI-R), шкала оценки дисфункциональных убеждений при патологии личности (PBQ-SF), опросник выраженности психологического симптоматического статуса (SCL-90-R). Выводы: убеждения о приемлемости промискуитета связаны с зависимым, обсессивно-компульсивным, антисоциальным, шизоидным и параноидным типами личностной патологии. Промискуитет связан с враждебностью и недоверием к людям, в первую очередь, к партнерам в близких межличностных отношениях.

Ключевые слова: патология культуры, неограниченное сексуальное поведение, промискуитет, расстройство личности, сексуальность мужчины.

Для цитаты:

Кони́на М.А. Феноменология и патология современной сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 76—94. doi: 10.17759/cpp.2018260106

* Кони́на Муза Александровна, медицинский психолог, ГБУЗ «НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия, e-mail: muza-@list.ru

Патология культуры и феноменология сексуального поведения

Сексуальное для Фрейда — признак любой живой материи. Либи́до понимается как склонность быть живым и воспроизводить жизнь [18, с. 23]. Феномены сексуального поведения становятся формами, в которых человек утверждает свою жизнённость. Феноменология *сексуальной* культуры является знакомым выражением смысловых конфликтов существования человека в социуме и утверждения им себя и своего продолжения.

Феноменология современной *культуры* (и современной сексуальной культуры как ее части) неразрывно связана с постоянным совершенствованием информационных технологий и технологий социокультурной манипуляции [20]. Но если в центре актуальной научной проблематики психологии сексуальности 2000—2010-х годов был процесс влияния информатизации и виртуализации культуры на падение границ в сексуальном поведении, предметом изучения становились феномены вседозволенности — «неограниченного сексуального поведения» (*unrestricted sexual behaviour*) и смежные феномены — проектности, героизации проституции [8; 9; 10; 11], то на пороге 2020-х годов становится все более очевидным, что все эти феномены являются лишь одной из цепочек общего феноменологического поля, где культурные тренды рождаются на границе столкновения символической, интеллектуальной, виртуальной и натуральной, физиологической, реальной составляющих либи́до.

Проблематика асексуальности и потери интереса к физиологическому сексу становится ключевой в больших психологических исследованиях и злободневной публицистике: «У молодых японцев возрастает апатия к сексу. Даже супружеские пары все реже занимаются любовью. ... это уже настолько распространенный феномен, что таких асексуальных мужчин называют “сошоку данши” — то есть “травоядные”, в отличие от “плотоядных”, которым секс все еще интересен» [3, с. 41—42]. Для секса появляются юмористические эпитеты и заголовки, такие как «трение тел» или «...для тех, кто не может найти себе нормальный сериал» [16]. Следуя метафоре Зигмунда Фрейда, открывшего либидозную первооснову душевной жизни человека, его психики как силу, энергию, неуправляемый поток, прорывающийся «коллотеральными путями» при возникновении препятствий в основном русле [21], к началу 21 века русло обжито человеком и поток социально управляем. Разные типы сексуального поведения, включая промискуитет, стали стратегиями социального выбора [9; 11; 25; 26; 27; 28; 29]. К сегодняшнему дню сексуальное поведение теряет первостепенность своей биологической детерминации, дальнейшее усиление социальной регуляции либи́до ставит под угрозу существование секса в его традиционном (в форме взаимодействия телами биологических индивидов *homo sapiens*) виде.

Наступает эпоха суррогатного секса и суррогатных сексуальных партнеров. Главными героями современных романов и кино (и сексуальными партнерами человека) становятся: «сура» — женщина-робот Кая [15]; операционная система Саманта¹ — искусственный интеллект, без своего тела, к которому может по желанию полагаться суррогатный сексуальный партнер (ультра-современная вариация «секса втроем»). Герои, воплотившие феномены современной сексуальности: один вступает в беспорядочные сексуальные контакты и теряет способность совмещать секс с эмоциональным увлечением², другой выбирает виртуального сексуального партнера — искусственный интеллект³. Это идущий по улице человек, произносящий вслух слова, адресованные чипу, встроенному в ухо, напоминает безумца, говорящего с самим собой, среди таких же людей, проходящих мимо, полностью погруженных каждый в свой монитор.

Канадские ученые объявили о наступлении новой эры — виртуального секса, секса с погружением и появлении новой сексуальной ориентации — «цифросексуалов», людей, которые будут удовлетворять свои сексуальные потребности исключительно с помощью технологий виртуальной реальности [27]. Робот-любовник воплощает мечту человека об идеальном партнере, которого можно самостоятельно настроить. Вслед за писателями-футуристами о такой перспективе пишут исследователи Центра прикладной и профессиональной этики Университета Манитобы [27]. «Маниту и этот мир — одно и то же... Если мы перестанем заботиться о Маниту, Маниту перестанет заботиться о нас. Иссякнет свет Маниту. И тогда угаснет не только солнце, погаснут все экраны... А потом кончатся маниту и в кошельках у их пап и мам» [15, с. 409—410]. Маниту (*manitou*) — так обозначил главный символ (дух) современной культуры Виктор Пелевин по аналогии со словами близкими по звучанию: монитор (*monitor*) и «мани» (*money*/деньги), показав неразрывную связь мегапотребления и постоянной сверхстимуляции психической активности.

Беспорядочный секс и беспорядочное потребление есть суть одного процесса [20]. Продолжается героическое шествие «стимуляторов» сексопотребления — проституток, порноактрис. Брук Магнанти — доктор медицинских наук, она же знаменитая лондонская проститутка, Бель де Жур стала известна благодаря своему блогу, книге и телесериалу, снятому по мотивам дневниковых записей о рабочих буднях «девочки по вызову» [4]. История студентки МГИМО Ангелины Дорошенковой, променявшей учебу в престижном вузе на «порно карьеру», до сих пор выпадает первой ссылкой в поиске google по запросу «студентка МГИМО» [1].

¹ Художественный фильм «Она» (2013).

² Художественный фильм «Стыд» (2011).

³ Художественный фильм «Она» (2013).

Потребление исключает эмоциональную близость. Сексуальный партнер становится знаковым выражением финансовой состоятельности и осмысливается по аналогии с дорогим автомобилем: «Мне кажется, что промискуитет — как все равно, что ездить на пяти машинах. У меня в Италии две машины. Мне было бы лень иметь пять машин» [6]. Промискуитет не является проституцией в узком смысле, однако начинает стираться грань между свободным и несвободным (для заработка) выбором сексуального поведения.

Тогда тело человека, призванное символизировать роскошный товар, должно быть вечно цветущим, юным, красивым и бессмертным. Пластическая хирургия является частью современной культуры мегапотребления, отрицающей смерть как часть человеческой природы: ... «лица у них не помолодевшие, а какие-то как лица роботов, как нечеловеческие лица. Так что это даже не про гендерную привлекательность, не про возраст, а просто про стремление перейти в какое-то другое качество» [5].

Современная сексуальная культура безгранична: от выбора вида/рода сексуального партнера (канадские ученые предполагают, что использование секс-роботов или кукол в ближайшем будущем станет статистической нормой [27]), сексуальной ориентации партнера или собственной (медицина отказалась от понимания однополой ориентации как патологии [2]) до выбора возраста (одобряются манипуляции с возрастными телесными изменениями) и пола (человеку предоставляется сделать социальный выбор вне зависимости от биологического соответствия; в современной сексологии вводятся соответствующие для этой задачи термины: «пол, приписанный при рождении» и «ассоциированный пол»). В 2016 году представители Всемирной Психиатрической Ассоциации официально заявили о существовании реальной необходимости в переходе к недвойной гендерной идентичности [2, с. 294] — человечество стоит на пороге отмены биологической основы пола.

Сравнение списка сексуальных девиаций действующего классификатора МКБ-10 с аналогичным — проекта МКБ-11 — выявляет тенденцию к нормированию девиаций путем исключения части их из списка патологий. Пресыщение идет как в физической реальности (промискуитет, доступность любого сексуального партнера и формы сексуального контакта, при взаимном желании), так и в реальности виртуальной — это множественные отношения одновременно с десятками, сотнями, тысячами сексуальных партнеров. Сайты знакомств и порноиндустрия поддерживают суррогатное эмоциональное и сексуальное удовлетворение. Сексуальная неограниченность и потеря интереса к сексу на противоположном полюсе становится частью культуры «визуально пресыщенных людей» [15, с. 369]. «Специфическая функция культуры заключается в возможности удовлетворения потребности перенесением действия в

символический пласт. Опосредованное удовлетворение позволяет расширить возможности человека за счет ускорения этого удовлетворения («оргазма»), однако при этом лишая человека самостоятельного усилия, а его действия — реальности, превращая процесс и результат этого действия в символический суррогат» [20, с. 24].

Однако при тенденции к полной свободе, как в выборе субъекта для секса, так и способа сексуального контакта с ним, происходит усиление социального нормирования сексуального поведения через принятие законов, регулирующих половые контакты. Получение согласия партнеров на половой акт законодательно утверждено в Швеции (причем данный закон будет распространяться не только на случайные половые контакты, но и на супружеские пары) [31], вызвал бурные дискуссии в интернет-сетях. Куда ведет жесткая законодательная регуляция, хорошо описано в романе Пелевина «S.N.U.F.F.», где «возраст согласия» сексуальных партнеров достиг 46 лет и продолжает расти при доступности сур-падофилии; а также в фильме «Лобстер», где любая социальная регуляция сексуальной жизни ведет к физическому истреблению человека⁴.

«Все было устроено для того, чтобы мы спали с манекенами и размножались только через пробирку... Работа шла по двум направлениям — сделать это законным и одновременно криминализировать почти все естественные сексуальные действия, даже интенции одного живого человека по отношению к другому» [14, с. 51]. И далее там же: «Вам, господа, никто не мешает заниматься телесным сексом друг с другом... Но вы должны соблюдать законы и понимать, что многим в современном обществе такое поведение кажется мерзким и оскорбительным».

Человек теряет свою биологическую, натуральную первооснову, это происходит как на уровне сексуальных отношений, так и на уровне собственного тела. Потеря биологической первоосновы ведет к потере либидо как жизненной сущности. Одним из феноменов современной сексуальной культуры является неограниченное сексуальное поведение, причем если в узком смысле происходит отмена ограничений на количество сексуальных связей, то в широком смысле речь идет о переходе на внетелесные, виртуальные, суррогатные, знаковые формы секса, об отвержении биологической первоосновы на уровне биологического тела.

В российской психологии, тесно связанной с традициями культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, всегда большое значение уделялось исследованию культуральных факторов. Патологическому влиянию современной информационной культуры на психику человека посвящены исследования А.Ш. Тхостова, выдвинувшего концепцию

⁴ Художественный фильм «Лобстер» (2015).

формирования особых форм дезадаптации, связанных с нерациональным использованием человеком технологий современной культуры [20]. Информационные технологии провоцируют субъекта к пассивному удовлетворению потребностей путем перенесения действия в символический пласт (например, просмотр порно вместо реального сексуального контакта). Скорость удовлетворения потребности повышается, однако сам процесс действия и его результат представляют собой суррогат и ведут к формированию инфантилизма, к нарушениям идентичности, снижению способности прилагать усилия в деятельности. Макросоциальные факторы выделены в отдельный уровень многофакторной психосоциальной модели А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гаранян, таким образом, подчеркивается влияние культуры в формировании психопатологической симптоматики [22].

Сексуальная культура является той макросоциальной средой, в которой оформляются те или другие стратегии сексуального поведения. Неограниченное сексуальное поведение поддерживается современной культурой и является феноменом современной культуры. Поэтому представляется важным изучение связи выбора такой стратегии с современной культурой, с убеждениями современного человека о нормальности и приемлемости неограниченного сексуального поведения.

Эмпирическое исследование патологии личности и психопатологии у мужчин с неограниченным сексуальным поведением

Неограниченное сексуальное поведение (сюда включают раннее начало половой жизни, беспорядочные половые связи и частую смену сексуальных партнеров) как стратегия сексуального поведения попадает в фокус зарубежных популяционных исследований с конца прошлого века [25; 26; 28; 29; 30; 32; 33 и др.]. В России до 2010-х гг. исследования промискуинного сексуального поведения были единичны и проводились в узкоспециализированных выборках. Соколова Е.Т., Ильина С.В., Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. изучали различные факторы проституции [17; 12], Максимов М.А., Холмогорова А.Б. — пограничные черты в выборке гомосексуалов [13].

В широкой популяционной выборке неограниченное сексуальное поведение впервые исследовали Конина М.А., Холмогорова А.Б. в 2014 г.: в 2014—2016 гг. представлены данные о распространенности такого поведения в российской популяции [9], исследована связь неограниченного сексуального поведения с факторами пограничной патологии [11], изучены половозрастные аспекты промискуинного поведения [8].

Была подтверждена гипотеза о высокой распространенности неограниченного сексуального поведения в российской популяции — 16,7% от общего числа опрошенных (N=492, пользователи российского интернета) [9]. Было установлено, что пол не является фактором выбора промискуинной стратегии: т. е. у российских женщин количество сексуальных партнеров не сильно отличается от того же параметра у обследованных мужчин [8; 9]. Были получены данные о том, что с возрастом стратегии неограниченного сексуального поведения закрепляются, промискуитет не является феноменом юношеского возраста, связанным с поиском и установлением своей сексуальной идентичности [8; 11]. Была выдвинута и опровергнута гипотеза о значимой связи стратегий неограниченного сексуального поведения с пограничными чертами личности [11], в связи с чем возникли гипотезы о связи неограниченного сексуального поведения с другими типами личностных патологий, представленных через дисфункциональные убеждения.

Неограниченное сексуальное поведение связано с совершенствованием информационных технологий, поддерживается современной культурой и является феноменом современной культуры, свидетельствующим о ее патологичности.

Были выдвинуты две **гипотезы**: 1) о наличии связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и дисфункциональными убеждениями, характеризующими патологию личности; 2) о наличии связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и симптомами психической патологии. Через обнаружение этих связей можно установить патологию современной сексуальной культуры.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 50 мужчин, зарегистрированных на сайте знакомств *tamba.ru*. Отбор испытуемых проходил по признаку наличия 5 сексуальных партнеров за последний год. Обследование прошли мужчины в возрасте от 22 до 57 лет (средний возраст 33,8 лет), среди которых преобладали люди, имеющие высшее и неполное высшее образование (84%). Респонденты были обследованы очно.

Методики. Были использованы следующие методики. Опросник оценки социально-сексуальных стратегий (SOI-R), апробированный в российской выборке в 2014 г. Кониной М.А., Холмогоровой А.Б. [7; 9; 11; 29]. Шкала оценки дисфункциональных убеждений при патологии

личности (PBQ-SF) [23]. Опросник выраженности психологического симптоматического статуса (SCL-90-R) в адаптации Тарабриной Н.В. [19; 24].

Результаты

Согласно результатам по опросникам оценки дисфункциональных убеждений при патологии личности (PBQ-SF) и выраженности психопатологического симптоматического статуса (SCL-90), в исследуемой выборке показатели психопатологии соответствуют нормальным, тогда как показатели по шкалам личностной патологии превышают аналогичные в выборке здоровых людей, а по некоторым из шкал превышают аналогичные в выборке пациентов клиники с диагностированными расстройствами личности (табл. 1)⁵.

Таблица 1
Средние показатели выраженности типов личностной патологии
в разных группах

Типы личностной патологии (PBQ-SF)	M (SD)		
	Российские мужчины с неограниченным сексуальным поведением (N=50)	Американские пациенты с расстройством личности соответствующего типа	Психически здоровые американцы
Избегающий	11,97 (5.64)	15,05 (5.47) N=79	7,05 (5.27)
Зависимый	8,32 (4.10)	14,08 (6.90) N=26	4,69 (5.28)
Пассивно-агрессивный	14,00 (5.22)	нет данных	нет данных
Обсессивно-компульсивный	<u>16,73 (5.51)</u>	12,81 (7.23) N=58	8,14 (6.23)
Антисоциальный	14,23 (5.63)	нет данных	нет данных
Нарциссический	<u>11,89 (6.39)</u>	8,00 (5.87) N=26	2,14 (3.19)
Гистрионный	11.35 (5.76)	нет данных	нет данных
Шизоидный	16.57 (4.95)	нет данных	нет данных
Параноидный	<u>13.49 (5.67)</u>	13.00 (7.13) N=27	4.51(4.88)
Пограничный	8.64 (4.22)	нет данных	нет данных

⁵ Данные для сравнения по группам нормы и патологий личности разных типов цит. по: *Butler A., Beck A., Cohen L.* The Personality Belief Questionnaire-Short Form: Development and Preliminary Findings. Springer Science+Business Media, Inc., 2006. P. 357—370.

Показатели личностной патологии по всем доступным для сравнения шкалам среди российских мужчин с промискуинным сексуальным поведением превышают аналогичные показатели в группе нормы. По шкалам обсессивно-компульсивного, нарциссического и параноидного типа дисфункций показатели среди российских мужчин выше аналогичных показателей в группе пациентов американской клиники с диагностированными расстройствами личности соответствующих типов.

Связи показателей неограниченного сексуального поведения по шкалам опросника оценки социально-сексуальных стратегий SOI-R с показателями выраженности личностной патологии по шкале PBQ-SF отражены в табл. 2.

Таблица 2

**Значения коэффициентов корреляции между показателями
опросников PBQ-SF и SOI-R (N=50)**

Типы личностной патологии (PBQ-SF)	Коэффициент корреляции Спирмена			
	Социально-сексуальные стратегии (SOI-R)			
	Сексуальное поведение	Сексуальные убеждения	Сексуальные предпочтения	Индекс социаль- но-сексуальных стратегий
Зависимый	0,12	0,37**	0,01	0,19
Обсессивно- компульсивный	-0,15	0,31*	-0,05	0,08
Антисоциальный	0,16	0,38**	0,14	0,29*
Шизоидный	-0,02	0,36**	0,08	0,21
Параноидный	0,10	0,32*	0,12	0,24

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$

Статистически достоверные корреляции выявлены между убеждениями о приемлемости неограниченного сексуального поведения и личностной патологией зависимого, обсессивно-компульсивного, антисоциального, шизоидного и параноидного типов. Также выявлена статистически значимая корреляция общего индекса социально-сексуальных стратегий с личностной патологией антисоциального типа.

Таким образом, мужчины, убежденные в допустимости и нормальности промискуинного поведения, как правило, могут иметь убеждения, свойственные:

— зависимому типу личностной патологии (например: «Я нуждаюсь в других людях, чтобы они помогли мне принимать решения или говорили, что делать», «Я беспомощен, если остаюсь один», «Мне нужно, чтобы рядом всегда был кто-то, кто помогал бы мне выполнять то, что мне нужно сделать, а также на случай, если произойдет что-то плохое»);

— обсессивно-компульсивному типу (например: «Недостатки, дефекты и ошибки невыносимы», Детали крайне важны», «Важно все делать идеально», «Необходимо всегда придерживаться высочайших стандартов, иначе все может развалиться»);

— антисоциальному типу (например: «Я должен делать все, чтобы избежать наказания», «Жизнь — это джунгли, в которых выживает сильнейший», «Если я хочу чего-то, то должен сделать что угодно, чтобы получить это», «Если я не буду притеснять других людей, то они будут мною помыкать», «Лучший способ добиться своего — это применить силу или хитрость»);

— шизоидному типу (например: «Мне нравится все делать самому, нежели вместе с другими людьми», «Взаимоотношения с людьми слишком запутаны и ограничивают мою свободу», «Для меня важно быть свободным и независимым от окружающих», «Во многих ситуациях мне лучше, чтобы меня оставили одного»);

— параноидному типу (например: «Если я не буду бдителен, окружающие постараются использовать меня или будут манипулировать мною», «У других имеются скрытые мотивы», «Другие люди будут намеренно унижать меня», «Если другие люди получают информацию обо мне, то они будут использовать ее против меня»).

Из всех описанных выше характеристик складывается портрет современного мужчины, проживающего в России и склонного к неограниченному сексуальному поведению.

Корреляции симптоматических показателей психической патологии с показателями неограниченного сексуального поведения представлены в табл. 3.

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между показателями опросников SCL-90-R и SOI-R (N=50)

Шкалы SCL-90-R	Коэффициент корреляции Спирмена			
	Социально-сексуальные стратегии (SOI-R)			
	Сексуальное поведение	Сексуальные убеждения	Сексуальные предпочтения	Индекс социально-сексуальных стратегий
Враждебность	0,35*	0,15	0,09	0,23
Параноидное мышление	0,2	0,19	0,22	0,29*
Индекс интенсивности психопатологических проявлений	0,28*	0,19	0,18	0,29*

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$

В наибольшей степени с выраженностью неограниченного сексуального поведения связана шкала враждебности. Это означает, что чем более у респондентов выражены проявления негативного аффективного состояния злости в отношении других людей, тем выше у них уровень неограниченного сексуального поведения. Установлены связи между общим индексом социально-сексуальных стратегий и показателем по шкале параноидного мышления. Это означает, что чем в большей степени у мужчин выражена подозрительность и чувство собственной неполноценности, тем в большей степени такие мужчины склонны придерживаться стратегий сексуальной неограниченности.

Выявлены статистически значимые связи между показателями сексуального поведения и общим индексом социально-сексуальных стратегий с одним из общих показателей уровня психопатологической симптоматики. Это значит, что чем в большей степени у респондентов выражена психопатологическая симптоматика, тем в большей степени они склонны придерживаться стратегий неограниченного сексуального поведения.

Обсуждение результатов

Неограниченное сексуальное поведение было представлено как феномен современной культуры, свидетельствующий о ее патологичности. В выборке мужчин, придерживающихся таких стратегий, были установлены высокие баллы по шкалам личностной патологии. По некоторым из шкал (обсессивно-компульсивная, нарциссическая, параноидная) выраженность симптоматики превышает аналогичные показатели в выборке пациентов с диагностированными расстройствами личности, что свидетельствует о том, что промискуинное сексуальное поведение предпочитают люди с выраженной личностной патологией.

Были выявлены связи выраженности убеждений о приемлемости неограниченного сексуального поведения с выраженностью личностной патологии зависимого, обсессивно-компульсивного, антисоциального, шизоидного и параноидного типов. Таким образом, подтвердилась гипотеза о связи показателей неограниченного сексуального поведения с выраженностью личностной патологии.

Можно констатировать, что убеждения о приемлемости неограниченного сексуального поведения связаны с целой системой дисфункциональных убеждений, характеризующих личность как патологическую. Мужчину, убежденного в приемлемости неограниченного сексуального

поведения, можно описать как постоянно нуждающегося в одобрении, поддержке, силе (шкала расстройств зависимого типа), задающего высокие стандарты и крайне нетерпимого к изъянам и дефектам (шкала расстройства обсессивно-компульсивного типа), идущего к своим целям любыми способами, ведь все в этом мире устроено «по законам джунглей» (шкала расстройства антисоциального типа). Для такого мужчины высока ценность независимости и свободы, близкие отношения с людьми для него обременительны, а одиночество более приемлемо, нежели попытки вторжения в его личное пространство (шкала расстройства шизоидного типа), он не доверяет людям, ожидает, что они могут скрывать от него свои истинные мотивы, использовать и унижать (шкала расстройства параноидного типа).

Показатели параноидного мышления (SCL-90) также коррелируют со шкалой сексуального поведения (SOI-R). Можно говорить о том, что рост недоверия и подозрительности к партнеру, неуверенности в себе связан с принятием приемлемости промискуитета как на уровне убеждений, так и в поведении. Связи параноидного мышления (ожидание враждебности от окружающих, восприятие партнера как враждебного) и собственной агрессивности (проявляющейся в раздражении, вспышках гнева и других агрессивных импульсах) с показателями неограниченного сексуального поведения — это две связи, образующие одну систему: они могут, усиливая друг друга, с одной стороны, поддерживать постоянную неудовлетворенность собой и партнером в отношениях, с другой — приводить к прерыванию прежних контактов и поиску новых.

Выявлены статистически значимые связи между показателями сексуального поведения и интенсивностью психопатологической симптоматики. Таким образом, гипотеза о связи между показателями неограниченного (промискуитного) сексуального поведения и показателями психической патологии подтвердилась. Показатель интенсивности психопатологической симптоматики (PSDI) включает все симптоматические шкалы опросника SCL-90, и связь этого показателя с показателем стратегий неограниченности сексуального поведения (общим индексом по шкале SOI-R) является принципиально значимой в рамках данного исследования. Если расстройство личности, как показали выявленные в нашем исследовании связи, может быть обнаружено через убеждения о приемлемости неограниченного сексуального поведения (поскольку связаны с выраженностью ряда дисфункциональных убеждений, характеризующих личность как патологическую), то промискуитет оказывается «лакмусовой бумажкой» психопатологии, одним из возможных ее симптомов на уровне стратегий поведения.

Выводы

Феноменология современной сексуальной культуры неразрывно связана с постоянным совершенствованием информационных технологий и влиянием информатизации и виртуализации на падение границ в сексуальном поведении. Феномены неограниченного сексуального поведения рождаются на границе столкновения символической, интеллектуальной, виртуальной и натуральной, физиологической, реальной составляющих либидо. Среди них такие, как проектность, героизация проституции, порнозависимость, переход на внетелесные, виртуальные, суррогатные, знаковые формы секса, отвержение натуральной первоосновы секса на уровне биологического тела. Неограниченное сексуальное поведение поддерживается современной культурой и указывает на ее патологичность.

Полученные в эмпирическом исследовании данные представляют феномен неограниченного сексуального поведения в виде системы, где убеждения о приемлемости промискуитета связаны с дисфункциональными убеждениями, которые выражаются в современной культуре через обсессивно-компульсивные, антисоциальные, шизоидные и параноидные черты; а промискуитет — с массовой патологизацией психики, что проявляется в целом наборе симптомов, среди которых на первый план выходят враждебность и недоверие к людям, в том числе и в первую очередь к партнерам в близких межличностных отношениях. Наличие связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и дисфункциональными убеждениями, характеризующими патологию личности, а также симптомами психической патологии свидетельствует о патологичности современной сексуальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова О.* Студентка МГИМО стала известной в Европе порномоделью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26410.4/3284825/> (дата обращения: 25.02.2018).
2. Заявление о позиции ВПА в отношении гендерной идентичности и однополюй ориентации, влечения и поведения [Электронный ресурс] // *World Psychiatry (на русском)*. 2016. Т. 15. № 3. С. 294—295. URL: <http://psychiatr.ru/magazine/wra/80/1034> (дата обращения: 25.02.2018).
3. *Зимбардо Ф., Коломбе Н.* Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности: пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2017. 343 с.
4. Интервью с Брук Магнанти [Электронный ресурс] // *Сноб*. 2010. № 1—2 (16). URL: <https://snob.ru/magazine/entry/11937?v=1456319172> (дата обращения: 25.02.2018).

5. *Кони́на М.А.* Перверсии и феномены сексуальной культуры. Интервью с Эстеллой В. Уэлдон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psypublic.com/articles/245/> (дата обращения: 25.02.2018).
6. *Кони́на М.А.* Промискуитет в культуре потребления. Интервью с Леонидом Кролем [Электронный ресурс]. URL: <http://psypublic.com/articles/242/> (дата обращения: 25.02.2018).
7. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности (PBQ-BPD): адаптация для русскоязычной выборки // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 126—143. doi:10.17759/cpp.2016240308
8. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Половозрастные аспекты неограниченного сексуального поведения в современной культуре // Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 157—164.
9. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 61—70. doi:10.17759/chp.2015110108
10. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 119—140.
11. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры и патология личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 88—118.
12. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Проституция: психология, психотерапия. М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. 248 с.
13. *Максимов А.М., Холмогорова А.Б.* Социальные и психологические аспекты феномена мужской проституции в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 80—89.
14. *Пелевин В.О.* iPhuck 10. М.: Эксмо, 2017. 416 с.
15. *Пелевин В.О.* S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
16. *Санаева П.* Обойдемся без трения тел [Электронный ресурс] // Сноб. 17.01.18. URL: <https://snob.ru/profile/28443/blog/133389> (дата обращения: 25.02.2018).
17. *Соколова Е.Т., Ильина С.В.* Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 70—81.
18. *Столлер Р.Дж.* Перверсия: эротическая форма ненависти: пер. с англ. Ижевск: ERGO, 2016. 220 с.
19. *Тарабина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
20. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 20—27.
21. *Фрейд З.* Психоанализ и теория сексуальности: пер. с нем. 2-е изд. Минск: Попурри, 2010. 608 с.

22. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств как основа их интегративной психотерапии // Социальная и клиническая психиатрия, 1998. № 1. С. 94—102.
23. Butler A., Beck A., Cohen L. The personality belief questionnaire-short form: Development and preliminary findings // Cognitive Therapy and Research. 2007. Vol. 31 (3). P. 357—370. doi:10.1007/s10608-006-9041-x
24. Derogatis L.R., Rickels K, Rock A.F. The SCL-90 and the MMPI: a step in the validation of a new self-report scale // The British Journal of Psychiatry. 1976. Vol. 128 (3). P. 280—289. doi:10.1192/bjp.128.3.280
25. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.
26. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.
27. McArthur N., Twist M.L.C. The rise of digisexuality: Therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32 (3—4). P. 334—344. doi:10.1080/14681994.2017.1397950
28. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: a more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95 (5). P. 11—13. doi:10.1037/0022-3514.95.5.1113
29. Penke L. SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsvinventar // Psychologische und sozialwissenschaftliche Kurskalen / C.J. Kemper, E. Brähler, M. Zenger (eds.). Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013. P. 283—291.
30. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating // Behavioral and Brain Sciences. 2005. Vol. 28 (2). P. 247—275. doi:10.1017/S0140525X05000051
31. Sweden plans change in law to require explicit consent before sexual contact [Электронный ресурс] // The Guardian. 21.12.2017 URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/20/sweden-to-move-burden-of-proof-in-rare-cases-from-claimant-to-the-accused-explicit-consent> (дата обращения: 02.03.2018).
32. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanko K., Sandnabba N.K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? // Psychology, Crime & Law. 2010. Vol. 16 (1—2). P. 5—23. doi:10.1080/10683160802621925
33. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender differences in the enactment of sociosexuality: an examination of implicit social motives, sexual fantasies, coercive sexual attitudes, and aggressive sexual behavior // Journal of Sex Research. 2006. Vol. 43 (2). P. 163—173. doi:10.1080/00224490609552311

PHENOMENOLOGY AND PATHOLOGY OF MODERN SEXUAL CULTURE

M.A. KONINA*,

Sukhareva Center for Scientific and Applied Research of the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow Health Department, Moscow, Russia, muza-@list.ru

Promiscuity and complete loss of interest in physiological sex are considered as phenomena of modern sexual culture that are formed by intensively emerging technologies. We present the results of the empiric study of the relationship between personal dysfunctional attitudes (traits) and manifestations of unrestricted (promiscuous) sexual behavior. Sample: 50 men with profiles on a dating website. Methods: revised Sociosexual Orientation Inventory (SOI-R), short version of the Personality Beliefs Questionnaire (PBQ-SF), Symptom Checklist-90 Revised (SCL-90-R). Conclusions: convictions on the acceptance of promiscuity are linked to dependent, obsessive-compulsive, antisocial, schizoid and paranoid personality disorders. Promiscuity is related to hostility and distrust in people, first of all, in intimate partners.

Keywords: culture pathology, unrestricted sexual behavior, promiscuity, personality disorder, male sexuality.

REFERENCES

1. Aleksandrova O. Studentka MGIMO stala izvestnoi v Evrope pornomodel'yu [Elektronnyi resurs] [A MGIMO student became a well-known pornographic model in Europe]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26410.4/3284825/> (Accessed 25.02.2018).
2. Zayavlenie o pozitsii VPA v otnoshenii gendernoi identichnosti i odnopoloi orientatsii, vlecheniya i povedeniya [Elektronnyi resurs] [Statement on the position of the WPA regarding gender identity and same-sex orientation, inclination and behavior]. *World Psychiatry*, 2016. Vol. 15 (3), pp. 294—295. Available at: <http://psychiatr.ru/magazine/wpa/80/1034> (Accessed 25.02.2018). (In Russ.).
3. Zimbardo P., Coulombe N. Muzhchina v otrывe: igry, porno i poterya identichnosti [Man disconnected: How technology has sabotaged what it means to be male]. Moscow: Al'pina Publ., 2017. 343 p. (In Russ.).

For citation:

Konina M.A. Phenomenology and Pathology of Modern Sexual Culture. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 76—94. doi: 10.17759/cpp.2018260106. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Konina Muza Aleksandrovna*, Clinical psychologist, Sukhareva Center for Scientific and Applied Research of the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow Health Department, Moscow, Russia, e-mail: muza-@list.ru

4. Interv'yu s Bruk Magnanti [Elektronnyi resurs] [Interview with Brooke Magnanti]. *Snob* [Snob], 2010, no. 1—2 (16). Available at: <https://snob.ru/magazine/entry/11937?v=1456319172> (Accessed 25.02.2018).
5. Konina M.A. Perversii i fenomeny seksual'noi kul'tury. Interv'yu s Esteloi V. Ueldon [Elektronnyi resurs] [Perversions and the phenomena of sexual culture. Interview with Estela V. Wellton]. Available at: <http://www.psypublic.com/articles/245/> (Accessed 25.02.2018).
6. Konina M.A. Promiskuitet v kul'ture potrebleniya. Interv'yu s Leonidom Krolem [Elektronnyi resurs] [Promiscuity in the culture of consumption. Interview with Leonid Krol]. Available at: <http://psypublic.com/articles/242/> (Accessed 25.02.2018).
7. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Oprosnik disfunktsional'nykh ubezhdenii pri pogranichnom rasstroistve lichnosti (PBQ-BPD): adaptatsiya dlya russkoyazychnoi vyborki [The Personality Beliefs Questionnaire in Borderline Personality Disorder (PBQ-BPD): Adaptation for Russian-speaking selection]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24 (3), pp. 126—143. doi:10.17759/cpp.2016240308. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Polovozrastnye aspekty neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennoi kul'ture [Sex and age aspects of unlimited sexual behavior in modern culture]. *Gorizonty zrelosti. Sbornik tezisov uchastnikov Pyatoj vsrossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya* [Horizons of maturity. Conference proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference on developmental psychology]. Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 157—164.
9. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Strategii seksual'nogo povedeniya v sovremennoi kul'ture. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015, no. 1, pp. 61—70. doi:10.17759/chp.2015110108. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v istoricheskom kontekste raznykh tipov seksual'noi kul'tury. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2014, no. 3, pp. 119—140. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennom obshchestve: patologicheskie tendentsii kul'tury i patologiya lichnosti [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological culture tendency or personality pathology?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2014, no. 2, pp. 88—118. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Prostitutsiya: psikhologiya, psikhoterapiya [Prostitution: psychology, psychotherapy]. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii, 2013. 248 p.
13. Maksimov A.M., Kholmogorova A.B. Sotsial'nye i psikhologicheskie aspekty fenomena muzhskoi prostitutsii v sovremennoi kul'ture [Social and psychological aspects of a phenomenon of man's prostitution in modern culture]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2011, no. 1, pp. 80—89. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Pelevin V.O. iPhuck 10. Moscow: Eksmo, 2017. 416 p.

15. Pelevin V.O. S.N.U.F.F. Moscow: Eksmo, 2014. 512 p.
16. Sanaeva P. Oboidemsa bez treniya tel [Elektronnyi resurs] [We can do without friction of the bodies]. *Snob* [Snob], 17.01.18. Available at: <https://snob.ru/profile/28443/blog/133389> (Accessed 25.02.2018).
17. Sokolova E.T., Il'ina S.V. Rol' emotsional'nogo opyta zhertv nasiliya dlya samoidentichnosti zhenshchin, zanimayushchikhsya prostitutsieĭ [The role of emotional experience of victims of violence for the self-identity of women engaged in prostitution]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2000. Vol. 21 (5), pp. 70—81.
18. Stoller R.J. Perversiya: eroticheskaya forma nenavisti [Perversion: the erotic form of hatred]. Izhevsk: ERGO, 2016. 220 p. (In Russ.).
19. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
20. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Kul'tura i patologiya: pobochnye efekty sotsializatsii [Culture and pathology: the side effects of socialization]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2006, no. 1(1), pp. 20—27.
21. Freud S. Psikhoeanaliz i teoriya seksual'nosti. 2-e izd. [Psychoanalysis and theory of sexuality. 2nd ed.]. Minsk: Popurri, 2010. 608 p. (In Russ.).
22. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Mnogofaktornaya model' depressivnykh, trevozhnykh i somatoformnykh rasst roĭstv kak osnova ikh integrativnoĭ psikhoterapii [Multiple factor model of depressive, disturbing and somato formnykh of frustration as fundamentals of their integrative psychotherapy]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya* [Social and clinical psychiatry], 1998, no. 1, pp. 94—102.
23. Butler A., Beck A., Cohen L. The personality belief questionnaire-short form: Development and preliminary findings. *Cognitive Therapy and Research*, 2007. Vol. 31 (3), pp. 357—370. doi:10.1007/s10608-006-9041-x
24. Derogatis L.R., Rickels K., Rock A.F. The SCL-90 and the MMPI: a step in the validation of a new self-report scale. *The British Journal of Psychiatry*, 1976. Vol. 128 (3), pp. 280—289. doi:10.1192/bjp.128.3.280
25. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.
26. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.
27. McArthur N., Twist M.L.C. The rise of digisexuality: Therapeutic challenges and possibilities. *Sexual and Relationship Therapy*, 2017. Vol. 32 (3—4), pp. 334—344. doi:10.1080/14681994.2017.1397950
28. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: a more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95 (5), pp. 11—13. doi:10.1037/0022-3514.95.5.1113
29. Penke L. SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsinventar. In C.J. Kemper, E. Brähler, M. Zenger (eds.). *Psychologische und sozialwissenschaftliche Kurskalen*. Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013, pp. 283—291.
30. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating. *Behavioral and Brain Sciences*, 2005. Vol. 28 (2), pp. 247—275. doi:10.1017/S0140525X05000051

31. Sweden plans change in law to require explicit consent before sexual contact [Elektronnyi resurs]. *The Guardian*, 21.12.2017 Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/20/sweden-to-move-burden-of-proof-in-rape-cases-from-claimant-to-the-accused-explicit-consent> (Accessed 02.03.2018).
32. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanko K., Sandnabba N.K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? *Psychology, Crime & Law*, 2010. Vol. 16 (1–2), pp. 5–23. doi:10.1080/10683160802621925
33. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender differences in the enactment of sociosexuality: an examination of implicit social motives, sexual fantasies, coercive sexual attitudes, and aggressive sexual behavior. *Journal of Sex Research*, 2006. Vol. 43 (2), pp. 163–173. doi:10.1080/00224490609552311